

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Миронов Денис Викторович

доцент кафедры теории и истории социологии
Санкт-Петербургского государственного университета;
кандидат социологических наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Работа выполнена за счет средств гранта РФФИ №22-28-01076

В статье политика памяти рассматривается как элемент политической подсистемы общества. Автор указывает на необходимость разграничения политического и научного дискурса при обсуждении сущности политики памяти и предлагает обратиться к теоретико-методологическому инструментарию социологии для построения теоретической модели политики памяти с целью ее применения при эмпирическом изучении политики памяти.

В начале 1990-х годов принято было говорить о конце истории. Эта метафора Ф. Фукуямы [1] отлично отражала настроенное либерально ориентированного западного истеблишмента, считавшего, что завершение Холодной войны на его условиях знаменует новую эру в существовании глобального человечества, которое будет унифицировано по стандартам нового экономического, социального, экологического и пр. порядка. В этом же ключе в свое время рассуждал и К. Маркс, считавший, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [2, с. 8], и с установлением коммунистической формации начнется подлинная история человечества, но здесь, в логике материалистического понимания истории, история остановится, поскольку общество в своем развитии придет к своему равновесному идеальному состоянию.

Очевидно, что либеральная и марксистская интерпретации конца истории по содержанию своему имеют различия, но обе идейно восходят к эсхатологическим христианским представлениям о развитии мира и его конце. Такое понимание хода истории в полной мере, наверное, понятно представителям западного общества, методология историографии которого у незападных обществ долгое время считалось своего рода эталоном в деле формирования исторического знания о себе, что в особенности имело отношения к странам, обретшим независимость после развала европейской колониальной системы.

Задача этих незападных обществ состояла в том, чтобы найти свое место во всемирной истории, которая уже была описана условным Западом.

С точки зрения сторонников «конца истории» все, что происходило с человеческими сообществами на разных этапах их развития, вне зависимости от их географических, культурных, религиозных, этнических и расовых особенностей – все это было подготовкой к переходу к унифицированному Человечеству и, стало быть, к этапу его существования без истории или вне истории. Такой подход к пониманию логики исторического развития обществ требует от своих сторонников соблюдения строгой методологической дисциплины. В частности, это касается вопроса операционализации таких понятий, как «человечество», «общество», «всемирная история или всемирный исторический процесс» и др. Так, «всемирный исторический процесс» раскрывается через такие категории, как «борьба», «свобода», «прогресс», «просвещение» и еще ряда категорий, которые в целом поспособствовали тому, что дискурс о «всемирном историческом процессе» был выведен из сугубо научной сферы в сферу идеологическую. Таким образом, исходной методологической установкой для сторонников «конца истории» является положение о том, что есть некое общее прошлое для всех людей, которое можно интерпретировать через ряд универсальных категорий.

Противники этой точки зрения исходят из иного методологического видения исторического развития человеческих сообществ. Оно заключается в признании множественности перспектив исторического развития, что исключает саму возможность унификации исторического процесса, сведения его к какому-то «логическому концу». Можно даже сказать, что само понятие «исторический процесс» в этом контексте теряет свой изначальный смысл. Эта методологическая позиция восходит к неокантианскому пониманию природы исторического факта, сущностной характеристикой которого является его уникальность, неповторимость, что нивелирует прогностический потенциал всякого рода исторических обобщений и аналогий. Отсюда вытекает невозможность выявления каких-либо исторических закономерностей, что в свою очередь делает совершенно бессмысленным рассуждения о некоем всеобщем историческом процессе.

Споры вокруг методологии истории давно перестали быть предметом только лишь академического дискурса, они в упрощенном виде, претерпев идеологическую обработку, стали частью общественных дискуссий, вошли в сферу политики, как отмечал французский историк Марк Ферро «Границы мира раздвигаются, экономически он все больше унифицируется, в то время как политическая обособленность стран сохраняется. В этих условиях история становится все более весомым аргументом в столкновении государств, наций, культур и этнических групп» [3, с. 7]. Указанное в этом замечании обстоятельство можно резюмировать как то, что история становится ресурсом для различных субъектов социально-политического процесса. И как вокруг любого другого ресурса, вокруг истории разворачивается борьба за возможность использовать ее потенциал в реализации тем или иным субъектом социально-политического процесса своих целей. Эта борьба, на наш взгляд, определяет направленность политики памяти, как на государственном, так и на общественном уровне. Характер этой борьбы, ее участники, тип и структура отношений между ними представляют интерес для социологического исследования.

Политика памяти – это феномен, который в полной мере разворачивается в рамках политической подсистемы общества, его функция заключается в актуализации теми или иными субъектами политического процесса событий прошлого в современном контексте с целью регулирования социально-политической ситуации в обществе и воздействия, в связи с этим на общественное мнение. Концептуальная проработка данного явления началось около 1980-х гг. в Германии, затем особую направленность эта работа приобрела в Польше, где стали говорить об исторической политике [4], что фактически способствовало политизации сформировавшегося вокруг политики памяти дискурса. Социологическое изучение феномена политики памяти как такового и его роли в политической жизни современного общества, являясь по сути своей описательным, способствует развитию «беспартийного» знания о нем. В дан-

ном контексте с методологической точки зрения целесообразно разводить понятия «политика памяти» и «историческая политика», первое, на наш взгляд, является более широким по объему и соответственно включает второе в себя. В целом политика памяти соотносится с макросоциальными явлениями, что при концептуализации этого явления в категориях социологии позволяет в качестве стратегии научного поиска выбрать системный подход с использованием методологии структурно-функционального анализа. Однако при этом необходимо определиться с тем, как интерпретируется политика памяти с позиции субъектов политического процесса и условного его объекта, то есть отдельных групп общества или общества в целом, что заставляет посмотреть на проблематику политики памяти с точки зрения микросоциологии, задействовав в первую очередь методологический арсенал феноменологической социологии.

Таким образом, изучение феномена политики памяти как части политической подсистемы с позиции системного подхода позволит выявить его место в структуре социально-политических отношений, определить его функции и отношения прежде всего с рядом расположенными явлениями. Феноменологическая перспектива анализа политики памяти позволит выйти на проблему формирования intersubjectивных смыслов при оценке событий истории и рецепции мероприятий, проводимых в рамках политики памяти как со стороны ее субъектов, так и объекта.

Список использованной литературы

1. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М. : АСТ, 2015.
2. К. Маркс. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 13.
3. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М. : Книжный Клуб 36.6, 2014.
4. См., например: Pro et Contra №3-4, 2009: Историческая политика.